

Секция «Уголовное право и криминология, уголовно-исполнительное право»

К ВОПРОСУ О РАСШИРЕНИИ ОБЪЕКТОВ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА

Научный руководитель – Кобзева Елена Васильевна

Ситник Владислав Николаевич

Студент (специалист)

Саратовская государственная юридическая академия, Саратов, Россия

E-mail: vladdsitvl@mail.ru

УДК 343.21

К ВОПРОСУ О РАСШИРЕНИИ ОБЪЕКТОВ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА

Ситник В.Н.

Институт прокуратуры Саратовской государственной юридической академии

Современное российское государство не стоит на месте, развиваются различные отрасли науки и техники, видоизменяются общественные отношения. Значительный отпечаток на это накладывает и процесс цифровизации - массового введения цифровых технологий в жизнь человека и общества. Все это, несомненно, сказывается и на уголовном законодательстве.

Повседневное внедрение цифровых технологий способствует возникновению не только новых способов совершения известных уголовному закону преступлений, но и деяний, которые, хотя и обладают общественной опасностью, но формально не подпадают под признаки определенного состава преступления.

В современных реалиях преступления в сфере информационных технологий совершаются довольно часто, что, в свою очередь, нарушает права и законные интересы граждан, мешает развитию и совершенствованию самих информационных технологий, препятствует нормальному функционированию общества и государства, а также снижает уровень доверия к инновационным проявлениям в обществе [1, С. 22]. В данном контексте следует обратиться к высказыванию Н.Ш. Козаева: «одной из важнейших проблем законодательной техники уголовного права на сегодняшний день является «запаздывание» правовой регламентации по отношению к бурно меняющимся социально-экономическим отношениям. . . » [2, С. 7].

Одним из наиболее ярких примеров использования информационных технологий в качестве способа совершения преступления выступает использование методики синтеза лица и голоса, манипулируемой искусственным интеллектом, т.е. Deepfake. Данная технология потенциально может быть использована при совершении таких преступлений, как клевета (ст. 128¹ УК РФ), вымогательство (ст. 163 УК РФ), незаконное изготовление и оборот порнографических материалов (ст. 242 и ст. 242¹ УК РФ) и др. Стоит отметить, что, несмотря на относительную новизну данной технологии, такие страны, как США и КНР, в отличие от России, на протяжении нескольких лет внедряют правовые механизмы противодействия вредоносным проявлениям дипфейков.

Кроме того, в настоящее время законодателю предстоит решить вопрос, связанный с определением субъекта дорожно-транспортных преступлений с участием беспилотников. Учитывая темпы внедрения беспилотного транспорта в транспортную инфраструктуру, необходимо как можно скорее озаботиться проблемой обеспечения безопасности движения и эксплуатации транспортных средств, поскольку сущность беспилотных транспортных средств состоит в исключении человека (полностью или частично) из процесса управления транспортным средством, а значит остается открытым вопрос о том, кто будет признаваться субъектом дорожно-транспортного преступления. Данные примеры позволяют

рассуждать о неполной состоятельности уголовного права перед актуальными угрозами XXI века.

Создание адекватных механизмов уголовно-правового реагирования на последствия научно-технического прогресса выступает одной из гарантий обеспечения безопасности общества. Необходимо признать, что законодатель все же предпринимает попытки решить некоторые проблемы модернизации уголовного законодательства под влиянием информационно-коммуникационных технологий. Однако последние изменения в главу 28 УК РФ, выразившиеся в криминализации неправомерного воздействия на критическую информационную структуру Российской Федерации, были внесены в далеком 2017 г., когда, например, только началось зарождение технологии Deepfake.

Несомненно, при модернизации уголовного законодательства неотвратимо придется столкнуться с крайне сложной проблемой - необходимостью спрогнозировать глубину и многосторонние последствия технологических преобразований. Данное явление, по мнению М.М. Бабаева и Ю.Е. Пудовочкина, только способствует повышению уровня уязвимости уголовного права [3, С. 6]. По нашему мнению, данная уязвимость заключается в том, что крайне сложно спрогнозировать вектор развития технологических преобразований в обществе и, соответственно, принять верное и адекватное решение, которое может как способствовать решению той или иной проблемы, так и усугубить существующее положение дел, что приведёт к необходимости внесения новых изменений в законодательство.

При этом стоит понимать, что модернизация уголовного законодательства является неизбежной и неотвратимой. Данный процесс не только предполагает необходимость внесения изменений в законодательство, что неминуемо сопряжено с законодательными рисками, связанными с принятием объективно необходимых норм права, а также зависит от состояния технической развитости государства, наличия специалистов широкого профиля и уровня развития доктрины уголовного права и правовой науки в целом, в особенности цивилистики, где разработки, например, в области выделения цифровых объектов права либо правоспособности искусственного интеллекта ведутся крайне активно.

На основании изложенного полагаем, что определяющим шагом для дальнейшей модернизации уголовного законодательства является расширение объектов уголовно-правовой охраны, которые представлены в ч. 1 ст. 2 УК РФ. Для обеспечения эффективности уголовного закона в будущем этот вопрос является принципиальным, поскольку касается системного подхода к классификации объектов уголовно-правовой охраны, их расширения, структурированию уголовного закона и в конечном итоге его модернизации.

Именно поэтому, на наш взгляд, ч. 1 ст. 2 УК РФ после слов «окружающей среды» дополнить словами «информационной среды». Понимание информационной среды должно включать в себя совокупность информационных условий (технологии, программные средства, информационные ресурсы, сети распространения информации), с которыми лицо взаимодействует в процессе своей жизнедеятельности. Данные изменения позволят обозначить информационную безопасность как одно из приоритетных направлений по обеспечению уголовно-правовой охраны и станут базисом для дальнейшей модернизации уголовного законодательства в нашей стране.

Список литературы:

1. Диденко К.В. Некоторые проблемы выявления и предупреждения киберпреступлений // Вестник Белгородского юридического института МВД России. 2020. № 3. С. 20-24.
2. Козаев Н.Ш. Современные технологии и проблемы уголовного права (анализ зарубежного и российского законодательства): монография. М., 2015. С. 5-9.
3. Бабаев М.М., Пудовочкин Ю.Е. Неопределенность уголовного права в эпоху неопределенности // Законы России: опыт, анализ, практика. 2018. № 2. С. 5-9.

Источники и литература

- 1) 1. Диденко К.В. Некоторые проблемы выявления и предупреждения киберпреступлений // Вестник Белгородского юридического института МВД России. 2020. № 3. С. 20-24.
- 2) 2. Козаев Н.Ш. Современные технологии и проблемы уголовного права (анализ зарубежного и российского законодательства): монография. М., 2015. С. 5-9.
- 3) 3. Бабаев М.М., Пудовочкин Ю.Е. Неопределенность уголовного права в эпоху неопределенности // Законы России: опыт, анализ, практика. 2018. № 2. С. 5-9.